

М.С. Щепкин

Записки и письма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.С. Щепкин**
Записки и письма / М.С. Щепкин – М.: Книга по Требованию, 2020. – 207 с.

ISBN 978-5-518-09003-3

ISBN 978-5-518-09003-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сять лѣтъ съ перваго появленія Щепкина на сценѣ публичнаго театра. Долгое поприще, рѣдко совершаемое не поденщиками, не простыми исполнителями, равнодушными въ своему ремеслу, а художниками по призванію, пламенно, тревожно любящими свое дѣло! Какихъ горячихъ усилій, какихъ постоянныхъ трудовъ, какой напряженной работы духа и тѣла — стоило возведеніе на степень искусства простой, повидимому, охоты мальчика: выбѣжать передъ публикою въ какомъ-то святошномъ нарядѣ и пробормотать нѣсколько выученныхъ рѣчей. Такъ начинаютъ многіе, и трудно бываетъ разгадать въ безотчетномъ влеченіи молодыхъ людей: минутная ли это забава, или призваніе истиннаго таланта.

Разумвется, въ достопамятный день представленія «Зои», за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, никто изъ окружающихъ Щепкина не подозрѣвалъ въ немъ будущаго славнаго актера, и всякій только посмѣивался, глядя на его озабоченное лицо и важность, придаваемую имъ такому, повидимому, пустому дѣлу; но Щепкинъ чувствовалъ бессознательно, что роль почтара Андрея рѣшаетъ его судьбу и опредѣляетъ славную будущность.

Съ этого времени, послѣ удачнаго дебюта, Щепкину начали давать многія небольшія роли, и разумвется—самыя разнохарактерныя. Захворалъ ли, загулялъ ли кто-нибудь изъ актеровъ — Щепкинъ въ нѣсколько часовъ выучивалъ его роль и, конечно, игралъ всегда

лучше того, чье занимал место. Одним словом: имъ затыкали все прорѣхи малочисленной труппы и скуднаго репертуара. Оркестръ прозвалъ его: «контробасною подставкой», и вся труппа со смѣхомъ повторяла *остроумное* прозвище.

Публика начинала любить и принимать Щепкина съ одобреніемъ. Каждый спектакль былъ шагомъ впередъ для молодаго актера, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ самъ и все его окружавшіе убѣдились въ томъ, что Щепкинъ родился для театра. Не получивъ достаточнаго образованія, не видавъ ни одного актера, который бы имѣлъ какое-нибудь понятіе о сценическомъ искусствѣ, который бы ходилъ и говорилъ на театрѣ по-человѣчески, Щепкинъ, конечно, не могъ тогда создавать себѣ идеала представляемаго лица, не могъ не подчиняться вреднымъ традиціямъ, отъ которыхъ трудно отдѣлываться во всю жизнь, не могъ не перенимать формъ, которыми былъ окруженъ; но нѣтъ такой неестественной формы, которая не могла бы быть одушевлена, а Щепкинъ, одаренный необыкновеннымъ огнемъ и чувствомъ, оживлялъ ими каждое произносимое слово: кстати или некстати, вѣрно или невѣрно — до этого никому не было дѣла, этого никто не понималъ, и все безусловно восхищались новымъ и свѣжимъ талантомъ.

Чрезвычайно было бы любопытно и поучительно прослѣдить постепенно, какъ уяснялся взглядъ молодаго актера, какъ зарождалось пониманіе лицъ, имъ пред-

ставляемыхъ, какъ блеснула и разгоралась мысль объ истинѣ, естественности игры, и какъ онъ понялъ наконецъ, что сцена—искусство, что онъ—художникъ!... Но этого никто не можетъ сдѣлать, кромѣ самого Щепкина, и на немъ лежитъ долгъ написать исторію своего театральнаго поприща, чѣмъ онъ окажетъ великую услугу не только театральному искусству, его служителямъ и почитателямъ, но и всякому мыслящему челоуѣку, для котораго дѣроги проявленія, усилія и торжество духа челоуѣческаго надъ всѣми препятствіями и случайностями жизни. У Щепкина хранится листъ бумаги, на которомъ великій художникъ Пушкинъ своею рукою написалъ слѣдующее:

ЗАПИСКИ АКТЕРА ЩЕПКИНА.

«Я родился въ курской губерніи, обоянскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ, что на рѣчкѣ Пенкѣ...»

Какъ краснорѣчиво выражается въ этомъ поступкѣ важность интереса, который придавалъ Пушкинъ запискамъ актера Щепкина.

Семнадцать лѣтъ игралъ Щепкинъ на губернскихъ театрахъ, переходя изъ труппы въ труппу, разъѣзжая по ярмаркамъ съ своими товарищами, и постоянно идя впередъ. У Щепкина не было амплуа, онъ не выбиралъ себѣ ролей, а игралъ все, что было необходимо для составленія спектакля. Такъ, напримѣръ, въ «Железной маскѣ» онъ, пачиная съ часоваго, дошелъ до маркиза Лувуа, а въ «Рекрутскомъ наборѣ» пере-

игралъ всѣ роли, кромѣ молодой дѣвушки Варвары. Слава Щепкина росла, преимущественно въ южной части Россіи, дошла до Москвы, и наконецъ въ 1823 году поступилъ онъ на Императорскій московскій театръ. Не входя въ подробности, потому что я пишу не біографію Щепкина, а краткій очеркъ пятидесятилѣтняго театральнаго его поприща, должно однако сказать, что Щепкинъ въ продолженіи своей провинціальной сценической жизни получилъ два толчка, какъ онъ самъ выражается, которые были ему очень полезны. Первый случился въ 1810 году, когда онъ увидѣлъ домашній благородный спектакль въ селѣ Юноковкѣ (харьковской губерніи): въ этомъ спектаклѣ князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій игралъ роль Свидара въ комедіи Сумарокова «Приданое обманомъ». Естественная игра князя Мещерскаго сильно поразила молодаго актера и произвела рѣшительное вліяніе на его понятія о сценическомъ искусствѣ. Второй толчокъ случился гораздо позднѣе: его произвелъ замѣчательный актеръ Павловъ, выѣхавшій изъ Казани и странствовавшій тогда по разнымъ провинціальнымъ театрамъ. Этотъ актеръ, съ необыкновенною для того времени истиною и простотою, игралъ многія роли, особенно роль Неизвѣстнаго въ комедіи Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Актера Павлова мало понимали и мало цѣнили; но Щепкинъ понялъ, оцѣнилъ его и воспользовался добрымъ примѣромъ, не смотря на противоположное значеніе своего ампуа.

Московская публика обрадовалась прекрасному таланту и приняла Щепкина съ живѣйшимъ восторгомъ, въ настоящемъ значеніи этого слова; но Щепкинъ не успокоился на скоро-пріобрѣтенныхъ лаврахъ, какъ дѣлаютъ это многіе. Постоянно трудясь, съ перваго дня поступленія своего на сцену, постоянно изучая, обрабатывая свою игру, — онъ удвоилъ свои труды, поступя на московскую сцену. Онъ дѣлалъ это не для пріобрѣтенія бѣльшей славы или выгодъ житейскихъ, онъ удовлетворялъ собственной душевной потребности. Театръ уже былъ для него необходимостью, воздухомъ, условіемъ жизни... Жить для Щепкина значило — играть на театрѣ; играть значило — жить. Сцена сдѣлалась для Щепкина даже цѣлебнымъ средствомъ въ болѣзняхъ духа и тѣла. Горевалъ ли онъ о чемъ-нибудь, какъ человекъ, которому надо было много преодолѣть препятствій, много биться съ жизнью, — искусство мирило его съ дѣйствительностью; болѣлъ ли тѣломъ — искусство, оживляя его нервы, чудотворно врачевало его тѣло. Много разъ и многіе были тому свидѣтелями, что Щепкинъ выходилъ на сцену больной и сходилъ съ нея совершенно здоровый.

Обезпеченный въ своемъ существованіи, получившій независимость, придворный артистъ-Щепкинъ вполне предавался искусству. Обширный репертуаръ его съ каждымъ годомъ обогащался новыми значительнѣйшими ролями, надъ которыми надо было подумать, надо было потрудиться. Одинъ рядъ Мольеровскихъ ста-

риковъ представлялъ уже назидательное поприще для его сценической дѣятельности, и Щепкинъ воспользовался этою высокою школою. На московской сценѣ Щепкинъ нашелъ товарищей болѣе или менѣе образованныхъ, нашелъ публику болѣе просвѣщенную, судей болѣе строгихъ и лучше понимающихъ дѣло. Кроме того, Щепкинъ нашелъ въ московскомъ обществѣ дружескій литературный кругъ, въ который приняли его съ радостью и гдѣ вполне оцѣнили его талантъ, природный умъ, любовь къ искусству и жажду образованія. По счастливому стеченію обстоятельствъ, въ этомъ кругѣ находились между прочими главные лица московской дирекціи: Кокошкинъ, Загоскинъ, Писаревъ и Верстовскій; но всего важнѣе было то, что въ этомъ же пріятельскомъ кругѣ былъ нашъ даровитый писатель князь Шаховской, единственный знатокъ сцены, страстный и опытный любитель театральнаго искусства. Этого только и не доставало Щепкину: онъ весь предался труду и ученію, предался пламенно и неутомимо.

Обыкновенно сценическіе артисты, сколько-нибудь замѣчательные, раздѣляются на два разряда: первый состоитъ изъ людей даровитыхъ, иногда въ высокой степени, но не думающихъ объ искусствѣ, объ изученіи его, не признающихъ необходимости труда, иногда даже не понимающихъ прямаго значенія художника. Второй разрядъ состоитъ—не скажу: изъ людей бездарныхъ, но надѣленныхъ отъ природы скудною до-

лею дарованія, обработкѣ которой положены, къ сожалѣнію, слишкомъ тѣсныя границы. Это достойныя уваженія труженики. Они, безъ сомнѣнія, несравненно выше лѣнивыхъ дарованій; но увы! всякій изъ насъ предпочтетъ талантливаго актера, у котораго, посреди невѣрной, даже безсмысленной игры, вырвется иногда увлекающее и потрясающее душу слово, предпочтетъ бѣдному труженику, безцвѣтно исполняющему умно и вѣрно понятый характеръ. Это справедливо: сцена требуетъ выраженія яснаго, живаго, такъ сказать осязательнаго, безъ котораго зритель не можетъ видѣть пониманія роли, не можетъ сочувствовать представляемому лицу. Но бываетъ рѣдкое соединеніе таланта съ яснымъ умомъ и горячею любовью къ искусству, и это счастливое соединеніе представляетъ намъ Щепкинъ. Его отличительное качество именно состоитъ въ чувствѣ священнаго долга къ искусству, долга неоплатнаго, каковъ бы ни былъ талантъ человѣка. Щепкинъ всю жизнь выплачивалъ этотъ долгъ по мѣрѣ силъ, платитъ и теперь, и конечно—не перестанетъ платить, пока будетъ жить. Съ ослабленіемъ физическихъ средствъ, которыя не могли не измѣниться въ теченіи пятидесяти лѣтъ, Щепкинъ усиливалъ средства духовныя и вознаграждалъ по возможности неизбѣжныя утраты, наносимыя временемъ.

Не смотря на страшное число ролей, переигранныхъ Щепкинымъ, не смотря на ихъ безконечное, дикое разнообразіе, не смотря на ихъ ничтожность,

Щепкинъ не пренебрегъ ни одною изъ нихъ. Выѣзжая на сцену бабой-ягой, на ступѣ съ помеломъ, являясь Еремѣвной въ «Недоросль» и пр., онъ старался быть тою личностью, которую представлялъ. Отъ смѣшныхъ фарсовъ и каррикатуръ Щепкинъ, въ роляхъ своихъ, доходилъ иногда до характеровъ чисто-драматическихъ, и на одномъ изъ нихъ столкнулся съ первымъ трагикомъ своего времени — съ Тальмой: роль Данвиля, въ комедіи Делавиня «Урокъ Старикамъ», въ Парижѣ игралъ Тальма, а въ Москвѣ Щепкинъ!... И что же? не смотря на тяжелый и темный русскій переводъ, Щепкинъ былъ такъ хорошъ, что удовлетворилъ требованіямъ самыхъ строгихъ судей. Привычка смѣяться отъ комизма игры Щепкина исчезала, и зрители всегда были растроганы до слезъ.

Во всѣ пятьдесятъ лѣтъ театальной службы, Щепкинъ не только не пропустилъ ни одной репетиціи, но даже ни разу не опоздалъ. Никогда никакой роли, хотя бы то было въ сотый разъ, онъ не игралъ, не прочитавъ ее наканунѣ вечеромъ, ложась спать, какъ бы поздно ни воротился домой, и не репетируя ее настоящимъ образомъ на утренней пробѣ въ день представленія. Это не мелочная точность, не педанство, а весьма важное условіе въ дѣлѣ искусства, въ которомъ всегда есть своя, такъ сказать, механическая или матеріальная сторона; ибо никогда не можетъ быть полнаго успѣха безъ приобрѣтенія власти надъ своими физическими средствами. Но этого мало: вся жизнь Щеп-

кина и видъ театра была для него постоянною школою искусства; вездѣ находилъ онъ что-нибудь замѣтить, чему-нибудь научиться; естественность, вѣрность *выраженія* (чего бы то ни было), безконечное разнообразіе и особенности этого выраженія, исключительно принадлежащія каждому отдѣльному лицу, дѣйствіе на другихъ такихъ особенностей — все замѣчалось, все переносилось въ искусство, все обогащало духовныя средства артиста. Болѣе двадцати лѣтъ я, вмѣстѣ съ другими, слѣдилъ за игрою Щепкина на сценѣ и за его внимательнымъ наблюденіемъ бесѣдъ общественныхъ. Нерѣдко посреди шумныхъ рѣчей или споровъ замѣчали, что Щепкинъ о чемъ-то задумывался, чего-то искалъ въ умѣ или памяти; догадывались о причинахъ и нерѣдко заставляли его признаваться, что онъ думалъ въ то время о какомъ-нибудь трудномъ *мысли* своей роли, которая—вслѣдствіе сказаннаго кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ меткаго слова—вдругъ освѣщалась новымъ свѣтомъ и долженствовала быть выражена сильнѣе или слабѣе, или проще и вообще вѣрнѣе. Иногда одно замѣчаніе, кинутое мимоходомъ и пойманное на лету, открывало Щепкину цѣлую новую сторону въ характерѣ дѣйствующаго лица, съ которымъ онъ до тѣхъ поръ не могъ сладить. Изъ всего сказаннаго мною очевидно, что роли Щепкина никогда не лежали безъ движенія, не сдавались въ архивъ, а совершенствовались постепенно и постоянно. Никогда Щепкинъ не жертвовалъ истинною игрою для эффекта, для лишнѣхъ

рукоплесканій; никогда не выставлялъ своей роли на показъ, ко вреду играющихъ съ нимъ актеровъ, ко вреду цѣльности и ладу всей пьесы; напротивъ, онъ сдерживалъ свой жаръ и силу его выраженія, если другія лица не могли отвѣчать ему съ такою же силой; чтобъ не задавить другихъ лицъ въ пьесѣ, онъ давилъ себя и охотно жертвовалъ самолюбіемъ, если характеръ играемаго лица не искажался отъ такихъ пожертвованій. Все это видѣли и понимали многіе, и надобно признаться, что рѣдко встрѣчается въ актерахъ такое самоотверженіе.

Талантъ Щепкина преимущественно состоитъ въ чувствительности и огнѣ. Оба эти качества составляютъ основныя, необходимыя стихіи таланта драматическаго, и я думаю, что въ этомъ отношеніи драма была по преимуществу призваніемъ Щепкина; но его живость, умная веселость, юморъ, его фигура, голосъ слишкомъ недостаточный, слабый для ролей драматическихъ (ибо крикъ не голосъ), навели его на роли комическихъ стариковъ—и слава Богу! По неудобствамъ физическимъ, едва ли бы Щепкинъ могъ достигнуть такого высокаго достоинства въ драмѣ, какого достигъ въ комедіи. Я сказалъ, что у Щепкина есть умная веселость; но въ тѣхъ комическихъ роляхъ, которыя не соотвѣтствовали этому свойству, чего стоило ему выражать глупость или простоту на лицѣ необыкновенно умномъ? вмѣсто проницательности и юмора — изображать простодушную, самодовольную веселость? Чего стоило также вырабо-